

Едва он успел вернуться к игре с вонтонами, как в его миску посыпались еще несколько дымящихся пельменей. Раздалось недовольное ворчание Е Юя:

— Не так их едят. Нужно есть быстро, пока они питательны. Настоящий мужчина должен заглатывать вонтон целиком, а не жеманиться, как кисейная барышня, откусывая по крошечному кусочку.

Е Юй принял порцию, тут же переложив несколько штук малышу. Он сделал большой глоток бульона и только хотел с наслаждением выдохнуть, как вдруг по спине пробежал холодок. Внезапная тревога заставила его настороженно оглядеться. Вокруг не было ничего подозрительного, но он кожей чувствовал на себе чей-то взгляд — странный, леденящий, словно прицел снайперской винтовки. Е Юй запоздало принялся изучать прохожих, однако так никого и не выявил. Он с недоумением отвел глаза. Неужели это паранойя от того, что в последнее время на него слишком часто нападали с ножами?

Е Юй застыл с вонтоном во рту, внезапно осознав неладное. Он снова обернулся к рыночной площади и увидел на перекрестке неподалеку лысого монаха, который смотрел прямо на них.

Это был странный монах: соломенные сандалии, ряса, четки — стандартный набор странствующего буддиста. Поражало другое: он был очень молод, на вид не больше восемнадцати-девятнадцати лет, с тонкими, правильными чертами лица. Он просто стоял в стороне от шумного перекрестка, но от него веяло глубоким спокойствием и одиночеством.

Конечно, можно было бы просто сказать, что это красивый монах, но Е Юя пугало другое: его почти никто не замечал. Люди, проходившие мимо, словно автоматически игнорировали его, не бросая даже мимолетного взгляда.

Когда Е Юй впервые почувствовал на себе его взгляд, монах стоял на том же самом месте, но Е Юй его не увидел. Возможно, тогда его разум подсознательно принял монаха за камень, травинку или просто пустое место.

Монах, лишенный присутствия.

Неужели это какой-то мистический мир? Как живой человек может быть настолько незаметным, словно частица пыли?

Е Юй в упор смотрел на странного монаха, тот ответил тем же. Возникло неловкое молчание. Глаза монаха были пусты, настолько пусты, что в них не отражалось ни единой эмоции, словно и сердце его было выжжено дотла.

Затем Е Юй увидел, что монах медленно направляется к ним. Без колебаний, словно по привычке, рука Е Юя потянулась к рукояти меча из зеленого бамбука. Ничего не поделаешь: он вдруг понял, что полагаться на себя не стоит, только на этот клинок.

Монах двигался неспешно, но в одно мгновение оказался перед Е Юем. Он склонил голову, проговорил буддийское приветствие, и его голос, такой же пустой, как и глаза, отозвался в воздухе странным звоном:

— Смиранный Чичи из храма Кун-кун пришел, чтобы встретиться с юным другом.

Чао Минь, небрежно покосившись на лысого, не изменил выражения лица. Он взял палочку для еды, и в его черных глазах блеснул ледяной холод.

Чичи? Что еще за Чичи?

Е Юй смотрел на него с недоумением. Неужели этот монах пришел просить подаяние? Он покосился на свою миску: бульон почти выпит, неужели не видно, что он сам нищий? Если каждый монах будет просить подаяние, то до цели он доберется, только собирая объедки на улице.

— И что же вы хотите мне поведать, мастер? — Е Юй натянул на лицо вымученную улыбку, крепко сжимая рукоять меча. Клинок молчал, значит, у этого мастера-обжоры нет намерения убивать?

Е Юй сейчас напоминал пуганую птицу. После бесконечных нападений ему казалось, что каждый встречный — сумасшедший, жаждущий его смерти.

Чичи поднял свои ясные глаза на Е Юя, излучая неземное спокойствие. Е Юя передернуло, ему нестерпимо захотелось выхватить меч и прикончить этого неестественного монаха.

— Господин Е, — Чичи кивнул, снова произнес молитву и безмятежно добавил: — Мой учитель был близким другом главы секты Дунсянь, господина Люй Сяоцзы.

Глава секты Дунсянь — это ведь тот самый его подлый учитель, который уже давно отправился к праотцам? Опять эта история: мой наставник дружил с твоим, а значит, сейчас мы будем крушить столы и сражаться насмерть? Е Юй еще крепче сжал меч и постарался сесть боком, прикрывая собой малыша.

— Поэтому я прошу вас: одумайтесь, пока не поздно.

Одумайтесь? Да он даже не знает, когда успел зайти так далеко. Е Юй глубоко вдохнул, пронзительно глядя на странного гостя:

— Чего ты хочешь?

Палочка Чао Миня снова легко стукнула по краю миски. Никто не заметил, что бульон в ней даже не колыхнулся, застыв, словно лед.

Чичи вздрогнул, пальцы, сжимающие четки, побелели. Наконец он перевел взгляд на Чао Миня. На самом деле он шел по следам Е Юя, но никак не ожидал увидеть здесь этого человека.

Настоятель говорил: если встретишь Чао Миня — разворачивайся и уходи, не пытайся идти дальше. Ибо впереди пути нет.

Чао Минь слегка улыбнулся, в глубине его глаз затаилось бездонное равнодушие. Его улыбка была жестокой и холодной. Он слегка надавил кончиком палочки на край миски, словно этим движением переламывал жизненный путь своего собеседника.

Четки в руках монаха начали лопаться одна за другой. Чичи почувствовал острую боль, глаза налились кровью.

Нужно уходить сейчас, пока еще можно спасти жизнь. Чичи заворожено смотрел на Чао Миня, на мгновение впав в оцепенение. Затем он закрыл глаза, а когда открыл их снова, его сердце погрузилось в океан сурт, и он поклялся убить Чао Миня.

Е Юй решил, что пора убираться из этого проклятого места. Монах был слишком подозрителен. Даже если он выглядит хрупким и немощным, кто знает, может, он из Шаолиня и умеет разбивать камни на груди?

— Сердце Будды сострадательно, море страданий безбрежно, молю вас, одумайтесь. — Чичи наконец заговорил, в его голосе слышалась жалость, а в глазах — ледяное спокойствие небытия. Закончив увещание, он начал нараспев читать глубокие, непонятные сутры. На его бледных щеках выступили красные пятна, он крепче сжал четки, и его голос, сначала тихий, начал звучать в размеренном ритме.

Е Юй ничего не понимал. Это что, насильственное выпрашивание подаяния?

Палочка в руке Чао Миня замерла. В его глазах вспыхнула ярость: спокойные на слух сутры монаха несли в себе сокрушительную внутреннюю энергию, которая безумно атаковала ничего не подозревающего Е Юя.

Е Юй вдруг почувствовал, как внутри все перевернулось, словно съеденные вонтоны запросились наружу. Он схватился за живот, а между бровей проступила черная дымка.

Увидев эту черноту, Чао Минь ощутил прилив безумной ярости. Канон Реинкарнации Великого Листа пробуждал в Е Юе семя демонической секты, а этот лысый смеет разрушать его прямо у него на глазах! Чао Минь сломал палочку, щелкнул пальцами, и на его тонком бледном пальце повис маленький золотой колокольчик. Храм Кун-кун — мерзкое место, сидели бы в своем уединении, нет, вылезли мозолить глаза! Смерть им!

Е Юй внезапно выхватил меч, сверкнула сталь, и острое уперлось в шею монаха. Е Юй выплюнул сгусток черной крови, чернота на его лице стала гуще. Он не понимал, что с ним, но с тех пор, как монах начал читать молитвы, боль стала невыносимой.

— Заткнись, обжора! — прорычал Е Юй, едва удерживаясь на ногах. — Перестань читать, иначе убью!

Наконец-то он стал настоящим воином цзянху — карающим мечом, исполненным праведного гнева.

— Господин, одумайтесь, — монах произнес молитву и продолжил чтение.

Да я сам сейчас стану Буддой! Е Юй хоть и был глуповат, но понял, что этот тип — не добродетель. Его сутры — это ядерное оружие, он тратит его радиацией!

Раздался тонкий звон колокольчика. Черная дымка на лице Е Юя, словно испугавшись чего-то, резко рассеялась. Е Юй чутко уловил этот звук, инстинктивно потянувшись к нему. Монах в этот момент громко воскликнул, словно утренний колокол, пробуждающий хаотичный мир:

— Господин, не множьте ошибки, поверните назад!

Е Юй вздрогнул, но в следующую секунду снова услышал звон. Он не знал, откуда он исходит и куда ведет, но этот звук приносил облегчение. Каждая клетка его тела умоляла следовать за ним.

Е Юй позорно поддался искушению.

В ином измерении, неведомом Е Юю, тихий шепот сутр слой за слоем отсекался звоном колокольчика, а безумный рост демонического семени замедлялся, прячась обратно в оболочку, не смея больше разрывать тело Е Юя.

Чичи внезапно замер. Он стоял прямо, опустив веки, сложив руки перед собой, словно застывшая статуя.

Е Юй пришел в себя и обнаружил, что его меч вонзился в шею монаха. Хлынул фонтан крови — зрелище жуткое и пугающее. Это не игра, здесь смерть была настоящей.

Е Юй отпрянул, убрал меч в ножны, в панике подхватил малыша и прыгнул на крышу, мгновенно исчезнув из виду. Владелец лавки вонтонов как раз обернулся и замахал полотенцем:

— Эй, господин, вы же не заплатили!

Не успел он договорить, как его стол начал рассыпаться в пыль, а миски зависли в воздухе и под порывом ветра превратились в серый пепел.

Монах только сейчас отреагировал: он рухнул на колени, его ряса разорвалась. Лицо то бледнело, то краснело, пока наконец не застыло мертвенной бледностью. Под лохмотьями одежды на его белой коже проступили густые ряды письма сутр. Они извивались, словно живые, из пор сочилась кровь, и за мгновение он превратился в жуткого кровавого человека.

Весь в крови, Чичи безмолвно прошептал молитву и тихо произронил:

— Господин Е, умоляю, одумайтесь... Впереди нет пути.

<http://bllate.org/book/22510/2377040>